

УДК 82-93
ББК Ш380.11

ГСНТИ 17.81.31

Код ВАК 10.01.08

О. Ю. Багдасарян

Екатеринбург, Россия

ВЕРБАЛЬНЫЙ И ВИЗУАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТЫ В СОВРЕМЕННЫХ КНИГАХ ДЛЯ ДЕТЕЙ¹

Аннотация. В статье рассматриваются особенности соотношения вербального и визуального компонентов в современных книгах для детей, обзорно представлены некоторые типы книг для детей с преобладанием визуальной составляющей (виммельбухи, «книжки в картинках», «картинки в рассказах» и др.).

Опираясь на работы исследователей, автор статьи указывает на «комплементарную» и «контрапунктную» стратегии взаимодействия слова и рисунка в иллюстрированных книгах. Обозначаются функции иллюстраций: они могут обеспечивать визуальное сопровождение слов, оказывать помощь воображению при восприятии книги, дополнять словесную художественную реальность, а также вовлекаться в развитие сюжета, менять повествовательную направленность слов, придавать книге мультимодальный и двуадресный характер. Книги, в которых визуальный и вербальный компоненты свободно соотнесены, порой выполняют важную функцию острашения, выводя и визуальное, и вербальное из автоматизма восприятия.

В статье также подчеркивается потенциал книг с доминантой визуального компонента при работе над развитием речи, в том числе с детьми, изучающими русский язык как иностранный.

Ключевые слова: детская литература; книжные иллюстрации; вербальные компоненты; визуальные компоненты, книги для детей.

O. Yu. Bagdasaryan

Eraterinburg, Russia

VERBAL AND VISUAL COMPONENTS IN MODERN CHILDREN'S BOOKS

Abstract. The article depicts the peculiarities of the ratio between verbal and visual components in modern books for kids. The article reviews some book types where the visual content prevails (wimmelbilderbuch, picturebooks, «bookturepics», etc.).

Resting upon the researchers' works, the author points out the complementary and contrapuntal strategies of word and picture interaction in illustrated books. The functions of illustrations are singled out: it can provide visual accompaniment to words, help the imagination to comprehend the plot of the book, supplement the verbal artistic reality; it can also be involved in plot development and changing the narrative of the words; illustration can set a multimodal and two-address character of the book. The loose connection between verbal and visual components sometimes performs an important function of defamiliarization withdrawing both the visual and the verbal out of the automatism of perception.

The article underlines the potential of books where the visual content dominates when working over the speech development, especially with children who study Russian as a foreign language.

Keywords: children's books; pictures; verbal components; visual components; books for children.

В России история иллюстрированных книг для детей началась с печати в 1694 г. «Букваря» Кариона Истомина: листы книги были украшены многочисленными изображениями — людей, животных, растений и предметов быта. В течение долгого времени предназначенные детям издания (в том числе журналы) были организованы по одному принципу: в них преобладал текст, картинки часто печатались на отдельных страницах, цветных изображений было немного. С течением времени (и развитием техники) устройство детской книги и детского журнала постепенно менялось: практика иллюстраторов разных стран изобретательно пересматривала возможности в соотношении вербального и визуального компонентов. Кроме того, оказалось, что визуальный ряд может быть замечательно разнообразным — в XX веке он стал включать не только авторские рисунки, но и приспособлять для иллюстрирования фотографии, открытки, газеты, вырезки из журналов и много другое.

Расширился и диапазон функций, которые может выполнять иллюстрация. Конечно, в большинстве случаев в детской книге иллюстрация обеспечивает визуальное сопровождение слов, играет роль подсказки, оказывает помощь воображению при

восприятию книги, «дополняет» словесную художественную реальность и увеличивает время контакта с книгой. Такой традиционный — «комплементарный» — подход к книжным иллюстрациям (критикуемый, например, Ханзен-Лёве [Ханзен-Лёве 2016: 57–77]) не исчерпал своих возможностей и вряд ли когда-нибудь исчерпает. Помимо многих других книг для детей, на нем основаны, например, современные азбуки, которые должны помочь ребенку познакомиться с алфавитом, установить связь между буквами и словами, между буквами, словами и окружающим миром.

Среди новых иллюстрированных азбук можно отметить книги Дарьи Герасимовой: «Азбука превращений» и «Азбука. Игра в слова», которые хорошо дополняют друг друга. В «Азбуке превращений» каждая буква визуальнo трансформируется во что-нибудь — в предмет, человека или сказочное существо. Превращения сопровождаются стихами (тоже за авторством Д. Герасимовой) (рис. 1).

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта ФЦП «Русский язык. 2016-2020» № 03.Z76.21.0065

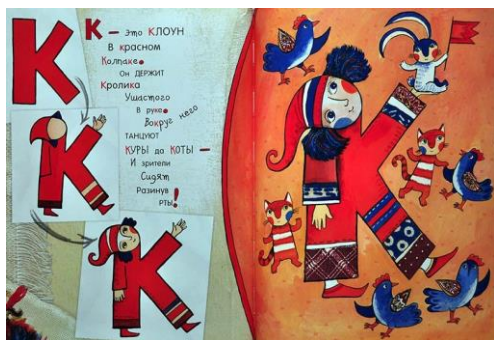

Рис. 1

В «Игре в слова» каждой букве посвящен целый разворот с детальными иллюстрациями и стихотворением, обыгрывающим букву. Книжка предназначена для ребят, уже знакомых с алфавитом, она развивает словарный запас, предлагает варианты простой языковой игры (подбор слов на одну букву, а потом составление из них предложений) и провоцирует на самостоятельные опыты со словами.

В «Мифологической азбуке» Игоря Жукова собраны мифологические и сказочные персонажи: герои сказок и легенд разных народов (среди них — Змей Горыныч, Дракон, Химеры, Медуза Горгона, Василиск и мн. др.). Читатель этой азбуки — не маленький ребенок, готовящийся к знакомству с алфавитом, а ребенок-любитель и даже знаток сказок, который сможет оценить юмор автора, понять, что с ним играют в литературную игру: под видом азбуки предлагают словарь мифологических существ. На игровую тональность книги указывают и иллюстрации Марии Якушиной — ее драконы и Горынычи совсем не страшные, а «многоцветье» и переходящий из картинки в картинку персонаж, похожий на шута, вносят элемент театрализации или циркового представления, которое как будто разворачивается на страницах книги.

Современных книг для детей, которые строятся по принципу «согласия» вербального и визуального, так много, что их практически невозможно систематизировать и описать. Сосредоточимся на более сложных вариантах отношений вербального и визуального, а именно на случаях, когда а) вербальный компонент практически исключается, б) слова и картинки «обмениваются» функциями; в) вербальный и визуальный коды могут противоречить друг другу, конфликтовать, создавать так называемые «мультимодальные» тексты [Salisbury, Styles 2012: 77]. По отношению к последним Мария Николаева и Кэрл Скотт используют термин «контрапункт», имея в виду, что слова и картинки рассказывают разные истории или каким-то образом «возражают» друг другу, предлагают альтернативную интерпретацию, что иногда приводит к противоречивым интерпретациям. [Nikolajeva, Scott 2001].

Виммельбухи (книжки-гляделки)

Виммельбухи — «бессловесные книги». Немецкий термин «wimmeln» можно перевести как «роиться», и уже название этого типа книг предполагает «обилие персонажей», большое количество визуального материала, но также и определенную

«степень беспорядка и хаоса» [Rémi 2010: 117]. В виммельбухах, как уже было отмечено, очень мало текста или его вовсе нет, поэтому они не навязывают читателю сюжет (его можно придумать самим и обсудить развитие каждой из историй).

Виммельбухи — совсем не новинка, этот тип книг уже много лет используется для тренировки памяти и внимания, речевых навыков. Тематические виммельбухи не только развивают словарный запас, но и знакомят детей с явлениями и фактами, которые ранее были неизвестны. Отсутствие текста делает такие книги практически интернациональными (возможно, поэтому собственно российских виммельбухов не так уж много). Из небольшого числа изданных в России книг-гляделок полезными для изучающих русский язык и культуру могут быть виммельбухи, посвященные отдельным городам. В таких книгах, как, например, «Москва» А. Храмцова дети сами могут прокладывать «экскурсионные тропинки», продумывать маршруты и постепенно обогащать их подробностями (историческими и культурными сведениями), которые ребята в состоянии находить самостоятельно в других источниках или в Интернете. По разработанным «книжным маршрутам» можно устраивать квесты или придумывать игры-бродилки.

Книжки-картинки (истории в картинках) — это название для книг, в которых визуальный код выступает как основа для нарратива (и в большинстве случаев не требует вербальной опоры). В истории русской детской литературы книжки-картинки ассоциируются в первую очередь с «Рассказами в картинках» Николая Радлова и журналом «Веселые картинки» (издавался с 1956 года).

«Рассказы в картинках» Н. Радлова впервые были изданы в 1937 году и строились по принципу комикса: Радлов выстраивал из последовательного расположения кадров маленькие (как правило, смешные) истории. Для первого издания короткие комментарии к картинкам были написаны Д. Хармсом, Н. Гернет и Н. Дилакторской, позднее по идеологическим соображениям подписи были сняты, но смешные картинки Радлова не потеряли своей повествовательной ясности (рис. 2).

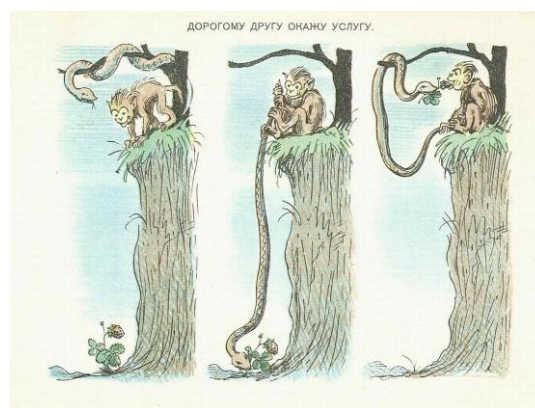

Рис. 2

В последние годы российские издательства активно переиздают рассказы в картинках и порой при-

влекают современных поэтов для создания вербально-го «сопровождения» изображений². Книжки-картинки, как правило, предназначаются для маленьких детей, однако могут быть использованы и с ребятами школьного возраста для работы над визуальной грамотностью и для занятий по развитию речи (возможные задания: составить рассказ по серии сюжетных картин или придумать собственный короткий стихотворный комментарий).

Иллюстрированная книга как «мультимедальный» текст

К книгам, в которых визуальный ряд становится важным нарративным компонентом, но при этом не исключает сложного соотношения со словом, можно отнести некоторые «книжки художников» или совместные проекты писателей и художников. Среди вербально-визуальных единств, в которых слова и иллюстрации вместе создают особый повествовательный ритм, — книги-сказки писателя Александра Блинова и художницы Ольги Золотухиной «Крот, который мечтал увидеть солнце» и «Лужа, которая стала солнцем».

Сказки А. Блинова — иносказательные истории о поисках себя и вере в мечту. В обеих книгах ключевым образом становится образ солнца — близкий и детям, и взрослым, именно солнце чаще всего ассоциируется с добром, светом, теплом.

«Крот ...» — история о кроте, который, вопреки всем законам природы, решил во что бы то ни стало увидеть солнце. Он спрашивает сначала всех своих родных, выясняя, как выглядит солнце, но те не могут ему помочь, потому что кроты, как известно, вылезают из нор только по ночам. Крот задает вопросы знакомой сове и подруге-лошади, но никто из них не способен объяснить, что же такое солнце.

Сказка А. Блинова состоятельна и без иллюстраций (в ней есть сюжет, есть юмор, элементы языковой игры, которые могут быть интересны детям), однако именно благодаря иллюстрациям она превращается в маленькую притчу: визуальный ряд «раздвигает сюжет» и многократно усиливает эстетический эффект от книги.

Один из ключевых мотивов сказки, объясняющий ее привязанность к визуальному (тоску по визуальному), — нехватка слов, недостаточность слова для того, чтобы объяснить, казалось бы, общепонятное (В ответ на вопрос «Что такое солнце?», Сова «вытаращила круглые глаза и раскинула крылья: — ТАКОЕ... Как СЧАСТЬЕ ...») [Блинов 2016:18]).

Начинается книга с черно-серо-синих иллюстраций: первые страницы как будто имитируют кротовье зрение (ведь крот живёт в мире, в котором мало цвета и света). Яркие краски появляются постепенно: чем больше главный герой разговаривает с разными животными и узнаёт о мире, тем больше цвета использует художник. В финале сказки Крот

дожидается восхода солнца и не только не гибнет (как обещают ему родственники), но и видит, как разнообразен и красив мир. Счастье видеть по-новому (по-другому) объясняется в книге с помощью цвета, визуальное вовлекается в развитие сюжета, своеобразная «блокада слова» снимается многоцветьем, которое и ассоциируется с солнцем (яркость красок, подвижность, переливчатость, красота).

В сказке «Лужа, которая стала Солнце» большая текучая лужа превращается то в СобакуПолкана, то в КошкуМусю, то в ЧернуюВорону, а потом становится жарким солнцем, хотя это и требует от нее исчезновения. Вторая сказка А. Блинова также иллюстрирована О. Золотухиной, и, помимо выразительности цвета, задействует еще и выразительность формы. На словесном и на визуальном уровне книга полна метаморфоз; как и в случае с «Кротом...», ей свойственно сочетание веселой игры и притчевости.

В обеих книгах визуальный ряд становится важным ресурсом для рассказывания истории, иллюстрации могут менять повествовательную направленность слов, они наравне со словом вовлечены в развитие сюжета. Условность линий и фигур (животные нарисованы предельно просто и очень узнаваемо) подходит восприятию детей и в то же время отвечает универсальности сказок о том, как найти свою мечту.

Рис. 3

Любопытную версию взаимодействия слова и картинки предлагает в книге «Счастливый случай» белорусская художница Анна Силивончик. У Силивончик получился визуально-вербальный перевертыш — она называет его «картинки в рассказах». Здесь ни вербальное, ни визуальное не становятся иллюстрацией / пояснением друг для друга. Слово в данном случае выполняет функцию даже не вспомогательную, а дополнительную, играет роль рамы, которую можно сменить по собственному желанию (или вовсе убрать, отключить).

Так, рассказ, давший название всей книге («Счастливый случай»), написан к картине, изображающей идиллию семейную и природную: сельский домик с огородом, родителей и младенцев в капусте. Общая атмосфера — атмосфера уюта, семейственности, благополучия, которая, тем не менее, не исключает легкой иронии. Написанная автором история перекликается с картиной только условно: общей (немного анекдотичной) тональностью, персонажами (мужчина, женщина) и финалом, в котором тоже благополучие (как результат счастливого совпадения). Однако сюжет рассказа не привязан к кар-

² См., например, переиздания «Мелик-Пашаевым» знаменитой «Умной Маши»; «Забавное путешествие» А. Сазонова со стихами М. Яснова, «Встречу друзей» М. Битного и «Город Чудаковск» К. Ротова со стихотворными комментариями А. Усачева издательства «Речь» и т.д.

тине намертво, это только возможная зарисовка — и каждый читатель (ребенок или взрослый) может придумать свою историю, так или иначе с картиной соприкасающуюся.

Именно в свободной соотнесенности вербального и визуального видится развивающий потенциал «картинок в рассказах». Они дают самые разные возможности: позволяют повышать «насмотренность», учат обращать внимание на цвет, фактуру, работу с линией, композицию. Собранные вместе картинки рифмуются, между ними протягиваются нити, формирующие сюжеты.

Кроме того, картины Силивончик не самые простые, в них нужно вглядываться, учитывать свойственную художнице тягу к метаморфозам, однако странный визуальный ряд (и в целом художественный мир) выполняет важную функцию остранения, потому что выводит и визуальное, и вербальное из автоматизма восприятия. «Картинки в рассказах» основаны на приеме затрудненной формы, необходимости рассмотреть картину, прочесть историю и подумать, а как вербальная «рама» соприкасается (и соприкасается ли?) с изображением. Такие тексты, в которых вербальный компонент может вести в одну сторону (предлагать один сюжет), а визуальный — в другую, требуют активного зрителя / читателя.

Преобладание визуального компонента в «картинках в рассказах» может быть эффективно использовано и для развития речи. Так, ребятам можно предлагать задания разной сложности: соотнести авторский текст и иллюстрацию, найти переключки, неожиданности, противоречия; подобрать или придумать языковые эквиваленты визуальным метафорам; написать творческий рассказ, сказку по картине (рассказ должен включать в себя события, предшествующие изображенному, момент, зафиксированный на картине, и последующие события — или только часть из этих компонентов); сочинить историю «в настроение» (основываясь на общем впечатлении от картины или опираясь на какой-то один визуальный образ / мотив).

К мультимодальным и двуадресным — рассчитанным на чтение и взрослыми, и детьми — книгам можно с уверенностью отнести сказку «Мышь Гликерия. Цветные и полосатые дни», созданную Диной Сабитовой и Аликой Калайдой. Героиня книжки — мышка по имени Гликерия — милый и забавный персонаж, ей все интересно, она постоянно что-нибудь придумывает и выдумывает (чтобы не было жарко, катается на велосипеде — так ее обдувает ветер; зная, что теряет ключи от дома, наряжает яблоню в саду запасными ключам и т. д. и т. п.).

Большинство сюжетов книги возникает из языковых «чуждачеств» Гликерии. Так, рассказ, где Гликерия выбирает себе новое имя («Мышь Гликерия и зеленая шкатулка») вырастает из неправильного понимания героиней словосочетания «носить имя» (игра значениями слова «носить»: 1. одеваться во что-нибудь и 2. «носить имя» — зваться). Гликерии не нравится ее неромантическое имя, она выбирает себе звучное «Олеандра» и целый день носит его, как красивое украшение, а вечером убирает в шкатулку, решив, что «в следующую среду она его до-

станет и снова поносит немножко. Красивое имя. Нарядное. Не каждый же день носить. А то потускнеет, поцарапается» [Сабитова 2012: 30]. Рассказ о ссоре рождается из фразы «соль рассыпать — к ссоре» (но поскольку Гликерия живет одна, спорить ей остается с зеркальной Гликерией, с самой собой). Языковая игра становится источником рассказа, в котором Гликерия решает «завести часы». Комический эффект создается игрой со значениями слова «завести» («дать часам ход, закрутить пружину» и «приобрести, обзавестись чем-то»). Гликерия не умеет определять время, но заводит часы, как домашнего питомца, а потом пугается его бурного характера (часы бьют!) и меняет настенные часы на маленькие «ручные», как меняют большого зверя на маленькую ручную собачку.

Текст Сабитовой активно вовлекает в процесс анализа, вглядывание в языковой материал — это требуется от читателя, и это постоянно делает сама Гликерия. Например, собравшись сочинять стихи, она читает литературную энциклопедию и обнаруживает, что амфибрахий похож на «старую фланелевую тряпочку, которой она вытирает пыль с пианино», а анапест — «на цветок, листья у него длинные, как у осоки, острые, а стебель сочный»; белый стих кажется ей самым поэтичным — он «совсем белый, как свежий снег под ярким солнцем, или палевый, как топленое молоко» [Сабитова 2012: 42–43]. Сочиненные Гликерией стихи напоминают новогодний сонет Г. Сапгира — белую страницу, в которой потенциально очень много слов: «восьмая белая страница была про солнце, которое катится за дальний лес, а девятая — про то, как в теплый летний вечер в саду стрекочут сверчки» [Сабитова 2012: 44].

Общая тональность книги — ироническая, она создается не только живым и остроумным языком Сабитовой, но и очень нюансированными иллюстрациями Алики Калайды. В картинках действительно много деталей, мелочей, фактур. В своем стремлении задействовать все органы чувств и визуальный ряд, и текст Сабитовой ориентированы на кинестетиков. Гликерия, например, любит ходить босиком, когда «трава щекошет задние лапы» или когда лапа «утопает в теплой мягкой пыли по щиколотку» [Сабитова 2012: 9]. Рассыпав соль, героиня сначала совсем не думает о том, что это плохая примета или что в кухне стало грязно, а принимается бегать по рассыпанному — интересно, красивые ли следы получатся? И словом, и рисунком авторы «всматриваются» в детали, в мелочи: Гликерия собирает сокровища (как это часто делают дети): у нее по разным коробочкам разложены бусинки, осколки новогодних шаров, пуговики, ракушки, фруктовые косточки и т. д.

Рис. 4

Иллюстрации А. Калайды подчеркивают двудресный характер книги. С одной стороны, в ней много картинок, которые помогают детям визуализировать ситуацию, а также много дополнительного, отдельного: например, божьи коровки, которые не упомянуты в тексте Сабитовой, в иллюстрациях вовлечены в крохотные сюжеты, за которыми интересно следить ребенку. С другой стороны, картинки апеллируют и к культурному опыту взрослого. Именно взрослый улавливает эклектичность визуального ряда (здесь много элементов, напоминающих об эстетике начала XX века: наряды Гликерии, старинный велосипед и т. д., и, в то же время, много узнаваемых советских деталей — от рисунка на термосе и упаковки соды до статуй мышей-физкультурниц в парке). На взрослых ориентирован и прием визуального комментария сюжета. Так, обложка книги представляет собой ремейк картины В. Серова «Девочка с персиками» — и это сразу задает игровую и в то же время трогательную тональность. В первой главе, где Гликерия страшно недовольна своим хвостом и очень хочет выглядеть существом более благородным (быть кем-то другим, более привлекательным), ситуация иронически обыгрывается иллюстрациями: на стене Гликериной комнаты висит фрагмент картины Леонардо да Винчи «Дама с горностаем», перед Гликерией — ремейк портрета Анны Ахматовой Н. Альтмана.

Рис. 5

В целом можно сказать, что произведение Д. Сабитовой и А. Калайды рассчитано на семейное

чтение-рассматривание, в процессе которого книжка осмысливается совместно. Сложно устроенный текст требует гибкой и многоохватной позиции, которая здесь должна родиться в содружестве взрослого и ребенка.

Говоря о современной культуре, исследователи справедливо указывают на повсеместную редукцию вербального компонента, однако, как кажется, книжки-картинки (даже те, в которых совсем нет текста) имеют большой потенциал именно в плане активизации речевых умений. Книжки с доминированием визуального могут эффективно использоваться для обучения детей правилам повествования, они заставляют читателей активно участвовать в смыслообразовании (побуждая заполнять пробелы, возникающие между фреймами-кадрами), запускают процесс перевода картинки в слово (если правильно организовать процесс), и они же могут прививать детям «вкус к иронии».

ЛИТЕРАТУРА

Блинов А. Крот, который мечтал увидеть солнце. — М.: Арт-Волхонка, 2016 — 48 с.

Блинов А. Лужа, которая стала Солнце. — М.: Арт-Волхонка, 2016. — 48 с.

Радлов Е. Рассказы в картинках. — М.: Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1937.

Сабитова Д., Калайда А. Мышь Гликерия. Цветные и полосатые дни. — М.: Розовый жираф, 2012. — 88 с.

Силивончик А. Счастливым случаем. Картины и сказки Анны Силивончик. — Киев: Мастер-класс, 2012. — 24 с.

Ханзен-Леви О. Интермедальность в русской культуре. От символизма к авангарду. — М.: РГГУ, 2016. — 450 с.

Храмцов А. Москва. — М.: ИД Мещерякова, 2016. — 8 с.

Nikolajeva M., Scott C. How picture books work. — Psychology Press, 2001.

Rémi C. Reading as Playing: The Cognitive Challenge of the Wimmelbook // Emergent Literacy: Children's Books from 0 to 3. — Amsterdam: John Benjamins, 2010. — P. 115–139.

Salisbury M., Styles M. Children's Picturebooks. The art of visual storytelling. — Laurence King Publishing, 2012.

REFERENCES

Blinov A. Krot, kotoryy mechtal uvidet' solntse. — M.: Art-Volkhonka, 2016 — 48 s.

Blinov A. Luzha, kotoraya stala Solntse. — M.: Art-Volkhonka, 2016. — 48 s.

Radlov E. Rasskazy v kartinkakh. — M.: Detizdat TsK VLKSM, 1937.

Sabitova D., Kalayda A. Mysh' Glikeriya. Tsvetnye i polosaty dni. — M.: Rozovyy zhiraf, 2012. — 88 s.

Silivonchik A. Schastlivyy sluchay. Kartiny i skazki Anny Silivonchik. — Kiev: Master-klass, 2012. — 24 s.

Khanzen-Leve O. Intermedial'nost' v russkoy kul'ture. Ot simvolizma k avangardu. — M.: RGGU, 2016. — 450 s.

Khramtsov A. Moskva. — M.: ID Meshcheryakova, 2016. — 8 s.

Nikolajeva M., Scott C. How picture books work. — Psychology Press, 2001.

Rémi C. Reading as Playing: The Cognitive Challenge of the Wimmelbook // Emergent Literacy: Children's Books from 0 to 3. — Amsterdam: John Benjamins, 2010. — P. 115–139.

Salisbury M., Styles M. Children's Picturebooks. The art of visual storytelling. — Laurence King Publishing, 2012.

Данные об авторе

Ольга Юрьевна Багдасарян — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: obagdasar@gmail.com.

About the author

Olga Yurievna Bagdasaryan is a Candidate of Philology, Docent of the Department of Literature and Methods of its Teaching, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).